

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 25.

26 ИЮНЯ 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стеловекаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базунова. Желаніе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всеми приложеніями.

Къ № 25-му прилагается: пьеса для фортепіано *Bouquet de Mélodies de Gopéra: „Le Pardon de Ploërmel“* de Meyerbeer, соч. Бейера.

Содержаніе: Вѣсти отсюда. — Россини (его жизнь и сочиненія) (окончаніе). — Молодость Кинна. — Музыкальныя произведенія.

ВѢСТИ ОТСЮДУ.

Новая пьеса А. Дюма, подъ названіемъ *l'Envers d'une conspiration*, не особенно ни хороша, не особенно ни умна, но довольно занимательна; сюжетъ ея передѣланъ изъ комедіи Кальдерона *la Dame invisible*. Комедія эта бывала уже много разъ передѣлываема во Франціи, а главное дѣйствіе ея часто являлось во многихъ драматическихъ пьесахъ, и между прочимъ въ *les Fées de Paris*. Единственная вещь, которую Дюма придумалъ для поновленія этого стараго и потертаго сюжета, это перенесеніе дѣйствія въ Англію, во времена реставраціи Карла II.

Равно и другая пьеса Дюма *le Gentilhomme de la Montagne*, не нова по содержанію, но за то костюмы ея превосходны и постановка живописна; въ нее входитъ и балетъ, который также недурно задуманъ, хотя исполненъ былъ неудовлетворительно. Однако пьеса имѣла порядочный успѣхъ.

Директоръ театра Одеона подписалъ условіе съ г. Легуве, по которому сей послѣдній обязуется написать пяти актную пьесу, взятую изъ своего новаго романа: *La Madone de l'art*. Главная роль въ этой пьесѣ предназначается г-жѣ Ристори.

Театръ Водевиль скоро долженъ поставить волшебнo-фан-

тастическую пьесу г. Понсара: *Ce qui plaît aux dames*, пьеса эта въ три акта и съ прологомъ въ стихахъ; постановка ея, говорятъ, будетъ великолѣпна.

Въ Туринѣ, на театрѣ *Gerbino*, имѣла успѣхъ пьеса подъ названіемъ *Jeanne d'Arc*, на итальянскомъ языкѣ, написанная новымъ французскимъ драматическимъ авторомъ, г-жею *d'Argy* (*Daniel Stern*).

Изъ Парижа пишутъ, что недавно дебютировала съ огромнымъ успѣхомъ новая пѣвица, г-жа Марія Брианъ. Публика видитъ въ ней пѣвицу большого достоинства. Недавно изданъ альбомъ для пѣнія и фортепіано, соч. Е. Каваллини, замѣчательнаго и извѣстнаго солиста на кларнетѣ петербургскаго Большаго Театра. Слова написаны талантливымъ итальянскимъ поэтомъ, г. Торре.

Театръ *Gaité* дастъ вскорѣ первое представленіе пьесы, *La petite Pologne*.

Le Nord, сообщая объ ангажементѣ Ристори въ Петербургъ, прибавляетъ, что она ангажирована на 3 мѣсяца со всей своей труппой за 300 тысячъ рублей серебромъ. Едва-ли цифра эта вѣроятна, потому что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ нельзя будетъ выручить этой суммы; ежедневные спектакли, разумѣется, не возможны, а въ каждый изъ 30 или 40 спектаклей, которыхъ можно будетъ насчитать въ 3 мѣсяца, нельзя выручить 10 или 12 тысячъ руб. сер. и при крайнемъ возвышеніи цѣнъ на мѣста.

Въ числѣ русскихъ оперъ, которыя будутъ даны въ предстолицѣ, сезонъ, какъ сообщаетъ *Journal de St. Petersburg*, будетъ и новая опера г. Вильбоа «Наташа», о достоинствахъ которой много говорятъ. Г. Вильбоа былъ другомъ и постояннымъ сотрудникомъ нашего безсмертнаго Глинки, и усвоить отъ него многое въ методѣ композиціи.

РОССИНИ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ.

(составлено по Бейлю, Оттингеру и другимъ биографамъ

Россини.)

(Огюманіе.)

III. Отелло. — Ноццарри. — Вліяніе мѣстности.

Между тѣмъ Санъ-Карло, какъ сказочный феиикъ, возродился изъ собственнаго пепла, и 12 января 1817. года, къ великой радости короля Фердинанда II, къ неописанному восторгу цѣлаго Неаполя, открылось зданіе новаго театра предстваленіемъ Елизаветы. Отелло, впрочемъ, данъ былъ въ первый разъ на театрѣ San-Carlo, который состоялъ тоже подъ завѣдываніемъ Барбая. Партицію Мавра написалъ Россини для Гарчіи; но пѣвецъ этотъ внезапно выѣхалъ въ Миланъ и роль его перешла къ Ноццарри — ничтожному фигуранту, который въ нѣсколько часовъ достигъ громкой славы и извѣстности.

Этотъ Ноццарри былъ простой лаццарони, съ которымъ познакомился Россини, во время своихъ прогулокъ по набережной Санта-Лучія. Плѣненный его красивой наружностью и оригинальнымъ складомъ его ума, авторъ *Итальянки изъ Алжиры* зазвалъ его къ себѣ. Лаццарони отъ души обрадовался этому благосклонному вниманію. Онъ пришелъ разъ, другой, третій, и съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе правился знаменитому маэстро, который однажды предложилъ ему, не хочетъ-ли онъ пойдти къ нему въ услуженіе. Въ отвѣтъ на предложеніе, бѣдняга сталъ вертѣть въ рукахъ своимъ шерстянымъ копкакомъ: видно было, что онъ не прочь отъ новой должности, но что трудно ему высказать свое согласіе. Видя его замѣшательство, Россини спросилъ, не обидѣлся-ли онъ его предложеніемъ?

— Нисколько, отвѣчалъ лаццарони, совсѣмъ напротивъ; но сказать цравду, мнѣ кажется, я не гоужь въ эту должность. Сами знаете, нашъ братъ лаццарони работать не любитъ; а что касается до лѣни, то я буду въ этомъ случаѣ цочище всѣхъ моихъ товарищей.

— Чудака-же ты! И тебѣ нестыдно вести такую жизнь, ты не желалъ-бы промѣнить ее на другую?

— Отъ чего-же! я-бы пожалуй....

— Но чего-жъ бы тебѣ хотѣлось?

— А мнѣ хотѣлось-бы поступить въ театръ и сдѣлаться, наиримѣръ, хоть великимъ пѣвцомъ!

— И получать тысячъ сто жалованья? Это дѣло нетрудное, надо имѣть только голосъ и талантъ!

— За этимъ дѣло не станеть.

— Ба! да ты видно не на шутку хочешь сдѣлаться пѣвцомъ? воскликнулъ Россини, изумленный такой настойчивостью своего собесѣдника. Спои-ка намъ что-нибудь, мы послушаемъ!

И маэстро сѣлъ за фортепяно.

— Чѣмъ-же ты намѣренъ угостить насъ, бездѣльникъ?

— Я пропою вамъ вещичку, которую вы, безъ сомнѣнія, знаете, каватину Линдора въ *Итальянкѣ*.

И лаццарони чистымъ и звучнымъ теноромъ взялъ первыя ноты одной изъ любимыхъ канцонеттъ маэстро. Россини не вѣрилъ ушамъ своимъ: до того поразила его чистота тембра, вѣрность аццента и сила этого необработаннаго еще голоса.

— Bravo, bravo! воскликнулъ маэстро, не переставая играть — дальше, дальше, впередъ, не робѣй; да у тебя грудь крѣпче органичныхъ мѣховъ!

И ободренный похвалою, лаццарони далъ полную свободу своему голосу, отъ звуковъ котораго затряслися окна въ комнатѣ.

— Двѣ-три фальшивыхъ нотки — но это не бѣда; поднимай выше. А! а! да мы справимся и съ трелью! синьйоръ Давидъ!

Съ того дня, бѣдный лаццарони каждое утро приходилъ къ Россини учиться пѣнію. Черезъ шесть недѣль, онъ свободно, безъ приготовленія, читалъ всякія ноты; черезъ два мѣсяца знаменитый покровитель подарилъ ему сапоги, шляпу, приличное платье, и въ этомъ новомъ видѣ представилъ его синьйору Барбая, который принялъ его въ число хористовъ, на тысячу франковъ жалованья. Лаццарони, вступивши на театральные подмостки, ожидалъ только заявить себя передъ публикой — и вотъ на долю его выпала роль Отелло.

Узнавши, что одинъ изъ ихъ собратьевъ явится въ первой роли, лаццарони со всего Неаполя забрались въ раекъ Санъ-Карло, и до поднятія занавѣса, толковали о прошлой судьбѣ своего бывшаго товарища.

— Мнѣ-ли не знать его, говорилъ одинъ изъ ораторовъ, который по своему крѣпкому сложенію и повелительному голосу казался предводителемъ этой корпораціи: да мы четыре года спали съ нимъ на одной плитѣ, и отецъ его былъ мнѣ короткій пріяель. Онъ лаццарони чистѣйшей крови! Его имя — Тито Маллю; но мы между собой звали его всегда Скарамучія *); онъ ловко подражалъ пѣнію птицъ, и въ компаніи бывало залаеть, замыучить, словно всѣ собаки и кошки сбѣжалнсь съ цѣлаго квартала.

— А кто была мать его? спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Мать его звали Фіаметта, она продавала арбузы. Какая была у ней талія, какіе глаза! Я тоже былъ знакомъ съ ней, прибавилъ атаманъ, подмигивая глазомъ и насвистывая баркароллу.

— Поговариваютъ, вставилъ слово третій товарищъ, что онъ возгордился своимъ талаптомъ и новымъ платьемъ, и не хочетъ знать прежнихъ товарищей?

— Клевета! чистѣйшая клевета! воскликнулъ ораторъ; не дальше какъ вчера встрѣтилъ я его при выходѣ изъ театра. Signora, сказалъ онъ, подходи ко мнѣ, подемъ-ка, позавтракаемъ вмѣстѣ! И мы пошли съ нимъ подъ руку въ chottega del Cafe, проглотили пятнадцать дюжинъ устрицъ и осушили полдюжины.

— Право?

— Это еще что! При прощаньи, онъ спросилъ меня весьма тонко, не нужно-ли мнѣ денегъ. Я было разинулъ ротъ, чтобъ отвѣчать, а онъ ловко сунулъ мнѣ что-то въ руку, — гляжу, — золотая монета!

— Пер Вассо! воскликнули въ одинъ голосъ лаццарони, обрадованные доброю вѣстью о товарищѣ и положили во что-бы ни стало поддержать его на сценѣ.

При такихъ обстоятельствахъ успѣхъ былъ несомнѣнный и могъ-бы даже зависѣть и не отъ искусства пѣвца. Ноццарри, однако-жъ вполне оправдалъ всеобщее ожиданіе: пѣніе его привело въ восторгъ не только лаццарони, но и всю публику,

*) Scaramuccio по-итальянски—шутъ, скоромохъ.

которая вызывала артиста почти послѣ каждой сцены. Никогда не было видано подобнаго торжества. Въ этотъ-же вечеръ, послѣ представленія, Ноццари почтенъ былъ титуломъ *divino* и подписалъ пятилѣтній контрактъ съ Барба, который назначилъ ему четыре тысячи экию жалованья. Синьора Кольбрандъ, въ роли Дездемоны и Давидъ въ роли Родриго, раздѣлили съ Ноццари честь этого торжества, въ которомъ не послѣднимъ дѣятелемъ былъ Россини.

«Главное достоинство россиниевскаго *Отелло*, говоритъ Бейль, — этого образцоваго произведенія въ сильномъ и пѣмецкомъ родѣ, состоитъ въ томъ, что оно полно огня. Это Волканъ, говорили въ Санъ-Карло. Но за то эта сила вездѣ ровна; нѣтъ никакихъ отгѣнковъ, нѣтъ переходовъ отъ важнаго къ нѣжному, отъ серьезнаго къ веселому; вы постоянно оглушены трембонами.» Чѣмъ больше думаю, тѣмъ не понятнѣе становится для меня этотъ критическій отзывъ.

Въ *Отелло* нѣтъ отгѣнковъ! Напротивъ, можетъ быть въ томъ-то и заключается недостатокъ этой оперы, что Россини не поспешилъ на эти отгѣнки и переполнилъ ими свое новое произведеніе. Отъ того, что Россини, къ сожалѣнію, обращаетъ мало вниманія на драматическую силу своего поэта, и болѣе сообразуетъ съ голосами своихъ пѣвцовъ, дарованія которыхъ онъ, какъ истый итальянецъ, хочетъ выставить въ яркомъ видѣ; отъ того, что Россини на каждомъ шагу мотивы комической оперы перемѣшиваетъ съ величественнымъ языкомъ трагедіи, и безнаказанно переходитъ отъ важнаго къ нѣжному, отъ серьезнаго къ веселому, — отъ того и *Отелло* его страдаетъ недостаткомъ единства, отъ того и первыя два дѣйствія этой оперы не имѣютъ почти никакой связи съ третьимъ дѣйствіемъ, на которомъ такъ рѣзко легла печать шекспировскаго романтизма. Далѣе Бейль упрекаетъ Россини въ излишнемъ употребленіи необходимыхъ речитативовъ, которые, по его словамъ, томятъ слушателя своимъ однообразіемъ, какъ-будто старинный, завѣщанный преданіемъ речитативъ, отличается большимъ разнообразіемъ. Стоитъ только Бейлю заподозрить музыку въ нѣмецкомъ направленіи, хотя-бы направленіе это и пригрѣзилось ему во снѣ — онъ уже немилосердо клеймитъ пресрѣніемъ и бичуетъ насмѣшкой провинившуюся передъ нимъ музыку.

Приписать автору либретто главный успѣхъ романа Ивы — вотъ поистинѣ любезная насмѣшка, а почтенный сочинитель поэмы *Отелло*, маркизъ Беріо, человекъ, весьма пріятный въ обществѣ, но лишенный поэтическихъ способностей, и не подозревалъ, что изъ-подъ пера его вышло великое образцовое произведеніе...

Распространившись весьма дѣльно о недостаткѣ выраженія въ первыхъ актахъ, указавши, какими сторонами Россини отдалился отъ поэтической темы, данной ему англійскимъ трагикомъ, какъ могъ Бейль, упустивъ изъ виду ту часть оперы, гдѣ музыкантъ становится на одну высоту съ Шекспиромъ? Говорить-ли о пѣснѣ гондольера, этой чудной, обаятельно-меланхолической пѣснѣ, упоминать-ли о прощеніи Дездемоны съ ея подругой и о томъ зловѣщемъ громѣ, который слышится въ оркестрѣ и предшествуетъ появленію грознаго мавра? А что думаетъ Бейль о великолѣпномъ дуэтѣ *Отелло* и Дездемоны, который открывается такимъ ужасающимъ *crescendo*? Онъ не говоритъ объ немъ ни слова. По всей вѣроятности онъ считаетъ все это — черезъ-чуръ немѣдной музыкой! Въ этомъ дуэтѣ, живомъ и сверкающемъ какъ молнія, есть мѣста, отъ которыхъ волосы встаютъ дыбомъ на головѣ слушателя. Нико-

гда еще человѣческій гений не находилъ такихъ глубокихъ и истинныхъ звуковъ для выраженія ужаса въ музыкальномъ произведеніи. Вспомнимъ о томъ заключеніи, когда порывы ярости смѣняются гробовымъ молчаніемъ. Это трагическое движеніе, возведенное до высшей точки; среди этого торжественнаго молчанія слышишь, какъ бьется сердце въ груди убійцы, остановившагося въ перѣбывности за минуту до совершенія ужаснаго дѣла.

Много носилось слуховъ о томъ, что Россини отказался отъ изученія Шекспира, приступая къ сочиненію своего *Отелло*. Напротивъ, великій маэстро поставилъ себѣ цѣлью приблизиться къ великому образцу, который читалъ онъ въ французскомъ переводѣ Летуриера. *Mi gelava il sangue*, кровь застыла у меня въ жилахъ, — такъ выражался онъ, въ то время, говоря о впечатлѣніи, производимомъ на него англійской трагедіей, которая такъ мало имѣетъ общаго съ поэмой Беріо, взявшаго основаніе своей повѣсти изъ книги: «Сто Новелль Джиральди Чинтио. Безъ всякаго сомнѣнія, ни увертюра, ни два первыя дѣйствія оперы *Отелло* не показываютъ, чтобы Россини жилъ шекспировскимъ духомъ; по кто осмѣлится упрекнуть въ томъ-же весь третій актъ, навѣянный романтическою мыслью гениальнаго поэта? При томъ-же, отъ чего-бы не допустить извѣстныхъ климатическихъ и мѣстныхъ условій, которыми невольно подчиняется и самый независимый гений? За чѣмъ требовать, чтобы Россини былъ Моцартомъ или Веберомъ, чтобы незарскій лебедь вдохновлялся сѣверной мыслью въ одинаковой степени, вмѣстѣ съ свѣтлорусыми германцами, выглянувшими на свѣтъ среди кименерійской почвы? Надо принимать въ расчетъ и особенныя свойства той или другой организаціи. Не соглашаясь съ Бейлемъ, который россиниевскаго *Отелло* находитъ черезъ-чуръ пѣмскимъ, мы однако-же не станемъ утверждать, чтобы опера эта была черезъ-чуръ итальянская. Въ подобныя школьныя формулы и тезисы бросается, очертя голову пламенный, вѣчно увлекающійся дилеттантъ; но серьезная критика не допускаетъ этихъ бесразсудныхъ увлеченій. Когда Россини беретъ за Шекспира, онъ изучаетъ его по мѣрѣ своего темперамента, въ условіяхъ своего собственнаго гения, не измѣняя въ то же время своей сущности и оставаясь вполне итальянцемъ, пишущимъ музыку для итальянскаго уха. Скажу болѣе, надо жить въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Миланѣ, чтобы понять всю важность этихъ климатическихъ преимуществъ. Слышать итальянскую музыку въ Италіи и слышать ее по сю сторону Альпъ — двѣ вещи совершенно разныя; тамъ, подъ этимъ благословеннымъ небомъ, среди вѣчно-весенней природы, наши умственные силы гораздо впечатлительнѣе для всего нѣжнаго и улаждающаго чувства человека; тамъ, въ странѣ теплыхъ и благоуханныхъ почей, изнѣженная душа не заботится о глубокихъ и трансцендентальныхъ матеріяхъ; она жаждетъ одной только легкой, утонченной мелодіи, которая навѣваетъ на васъ сладострастные сны и вполне соответствуетъ блеску окружающаго васъ міра. Вотъ почему, даже чисто-германскія натуры, ступивши на эту благословенную землю, не преминули принести жертву нѣжнымъ граціямъ: такъ Мейерберъ, этотъ гений-романтикъ, не избѣжалъ обаятельнаго вліянія армідинныхъ садовъ, и не могъ не заплатить дань этому земному раю, воспоминаніе о которомъ связано съ его сладостными кантиленами *Romilda e Costanza* и *Esule di Granata*.

Можетъ быть, музыка имѣетъ и другое высшее назначеніе: германцы вознесли ее въ заоблачныя страны, итальянцы низвели ее на землю, и она стала услугой бѣднаго человѣческа-

го сердца среди земныхъ суетъ, утѣхой его въ страданіяхъ, а въ этомъ право, есть то же своя хорошая возвышенная сторона!

Въ молодости своей я зналъ одного очень умнаго человѣка, который систематически ненавидѣлъ итальянскую музыку и въ особенности къ Россіи чувствовалъ неодолимое отвращеніе. Само собою разумѣется, что этотъ любитель нигуда не выѣзжалъ дальше своего Гентскаго бульвара. Выпалъ однако-же такой случай, что пришлось этому человѣку ѣхать въ Италію, гдѣ онъ услышалъ эту музыку, предметъ своей ненависти, музыку, исполненную далеко невеликолѣпнымъ оркестромъ и не первыми пѣвцами, какихъ слышалъ онъ въ своемъ отечествѣ; мѣсяца въ три, этотъ заклятый врагъ итальянской музыки сдѣлался ея жаркимъ и ревностнымъ поклонникомъ. Я встрѣтился съ нимъ около того времени въ Италіи, и разговорившись, разъ послѣ обѣда, подъ тѣнію пальмовыхъ деревьевъ, на виллѣ Гало, я спросилъ его о причинѣ такой скорой и радикальной перемѣны. Онъ улыбнулся и молча указалъ мнѣ на великолѣпную картину, развернувшуюся предъ нашими глазами. Солнце садилось позади Паулиниа, позлащая послѣдними своими лучами острова Капрею и Орланди; вершины Везувія и Сантъ-Анжело еще горѣли въ пламени, а съ другой стороны Амфитрида задергивала уже заливъ своимъ фіолетовымъ покровомъ. Кто наслаждается этимъ величественнымъ зрѣлищемъ, тотъ пойметъ, что созерцаніе подобной природы должно увеличивать магическую силу звуковъ; подъ вліяніемъ этихъ-то впечатлѣній творили Рафаэль, Корреджіо и Чимароза. «Бываютъ дни, когда одной красоты природы достаточно для счастья человѣка», говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ Прогулокъ по Риму. До сихъ поръ Россіи знакомъ былъ только съ небомъ Венеціи, теперь-же пусть его наслаждается пока безпечною жизнью, пусть упивается сладострастной мелодіей своего роднаго края, пусть не вѣдаетъ онъ до поры, до времени, что есть на свѣтѣ и другая музыка, кромѣ музыки его благословенной Италіи....

МОЛОДОСТЬ КИНА.

(РАЗСКАЗЪ ЕГО СОВРЕМЕННОГО.)

Я страстно люблю развлеченія всякаго рода, въ какомъ-бы то ни было обществѣ, если онѣ помогаютъ мнѣ убивать безъ утомленія время, этого великаго врага человечества, и, признаюсь, встрѣча съ умнымъ человѣкомъ, всегда для меня пріятна.

Однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я гулялъ въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ, въ тѣ часы, когда обыкновенно изъ парка всѣ расходятся на обѣдъ. Оставались только весьма немногіе любители гулянья, старавшіеся скорѣе, судя по выраженію ихъ лицъ, забыть о томъ, что у нихъ есть аппетитъ, нежели возбудить его прогулкой и чистымъ воздухомъ.

Что касается до меня, то я расположился на оконечности одной изъ скамеекъ, на другомъ концѣ которой сидѣлъ какой-то джентльменъ, весьма плохо одѣтый.

Послѣ многихъ *эм, эм,* съ той и другой стороны, покашливаній и черченія по песку кружковъ концами нашихъ пальцовъ, — условій, обыкновенно предшествующихъ началу разговора между людьми, совершенно незнакомыми другъ съ другомъ, я отважился наконецъ обратиться къ моему сосѣду.

— Прошу у васъ извиненія, сэръ, сказалъ я ему, значительно возвышая голосъ, кажется, что я имѣлъ уже удовольствіе васъ гдѣ-то видѣть: ваше лице мнѣ знакомо.

— Охотно вѣрю вамъ, отвѣчалъ онъ; дѣйствительно у меня одна изъ самыхъ общихъ фізіономій; это говорятъ мнѣ всѣ мои пріятели. Жители весьма многихъ англійскихъ городовъ также привыкли видѣть мою особу, какъ видѣть верблюда или крокодила. Короче сказать вамъ, сударь, я шестнадцать лѣтъ былъ барабанщикомъ и паяцомъ въ одной кочующей труппѣ маріонетокъ. Мой послѣдній хозяинъ, синьоръ Бартоломео, поссорился со мною, мы подрались и разетались; онъ пошелъ продавать свои маріонетки одному купцу изъ Роземари, для сдѣланія изъ нихъ подушечекъ на булавки; я-же отправился въ С. Джемскій паркъ умирать съ голоду. Потому, мое мнѣніе, за немнѣніемъ лучшаго, такое, что гораздо выгоднѣе было-бы, если-бы мы остались всѣ вмѣстѣ: маріонетки, синьоръ Бартоломео и я.

— Я въ отчаяніи, милостивый государь, возразилъ я, что человѣкъ съ такимъ веселымъ расположеніемъ духа находится въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ.

— Ахъ, отвѣчалъ онъ съ живостью, мое веселое расположеніе совершенно въ вашемъ распоряженіи, и скажу вамъ, даромъ что не могу похвалиться, чтобы обѣдалъ всякій разъ, когда часовая стрѣлка напоминаетъ мнѣ объ этой существенной потребности человѣческаго организма, но, при всемъ этомъ, мало на свѣтѣ людей, болѣе веселыхъ, чѣмъ я. Ежели-бы у меня было двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, то можетъ быть я сдѣлался-бы еще веселѣе, но не смѣю утверждать этого. Судьба, отказывающая мнѣ даже въ одномъ пени, конечно знаетъ про то лучше меня. Когда я имѣю двѣнадцать су въ карманѣ, никогда не отказываю себѣ въ удовольствіи промотать ихъ; когда-же ихъ у меня нѣтъ, тѣмъ болѣе не отказываюсь отъ приглашенія пообѣдать на чужой счетъ, если мнѣ дѣлается эта честь человѣкъ добрый и достаточно богатый, чтобы заплатить по картѣ трактирщика. Кстати, что думаете вы о кувшинѣ пѣнящагося пива въ три пинты и о кускѣ доброй говядины? Если вы меня угостите сегодня, я угощу васъ въ другой разъ, когда встрѣчу опять васъ въ паркѣ, когда вы будете не прочь отъ обѣда, а кошелекъ мой будетъ полнѣе, нежели въ настоящее время мой же-лудокъ.

Такъ какъ я постановилъ себѣ за правило никогда не избѣгать маленькой издержки, ежели представляется только случай—обязать веселаго собесѣдника, то мы вслѣдъ за этимъ отправились въ сосѣдную таверну, и спустя пять минутъ сидѣли уже передъ дымящимся кускомъ жаркаго и кувшиномъ пива въ три пинты. На сколько, при созерцаніи этой чудной трапезы, увеличилась живость ума моего товарища, я рѣшительно не въ состояніи этого передать.

— Обѣдъ этотъ, сударь, сказалъ онъ, нравится мнѣ безпредѣльно по тремъ причинамъ: во первыхъ, потому что я страстный охотникъ до мяса; далѣе, потому что у меня въ эту минуту аппетитъ, за который гастрономъ заплатилъ-бы на вѣсъ золота; наконецъ, послѣдняя причина, что онъ мнѣ ничего не стоитъ. По крайнему моему разумѣнію лучшимъ блюдомъ всегда бываетъ то, за которое не платишь.

Вотъ какое было мнѣніе моего новаго знакомаго на счетъ обѣда и, какъ казалось мнѣ, аппетитъ его былъ въ совершенномъ согласіи съ этимъ мнѣніемъ. Когда обѣдъ былъ съѣденъ, онъ замѣтилъ, что говядина жестка, но впрочемъ, прибавилъ

онъ, когда я ее ѣлъ, то она мнѣ казалась пѣжымъ и сочнымъ филеомъ. О наслажденія бѣдности! вы, вы только одинъ даете людямъ почувствовать сладострастіе голода. Мы бѣдные черти, продолжать онъ, смотря на меня, мы — балованныя дѣти природы; съ богатыми она обходится, какъ злая мачиха. Ничто этимъ господамъ не нравится; отрѣжьте для нихъ лучший кусокъ мяса, они найдутъ его невкуснымъ и жесткимъ; облейте его острымъ соусомъ, отлично приправленнымъ пряностями, онъ даже не возбудитъ у нихъ аппетита. Между тѣмъ весь міръ полонъ прекрасныхъ вещей для бѣднаго человѣка. Онъ пьетъ портеръ въ шесть су за пинту, лакомься имъ, какъ шампанскимъ; портеръ-же въ двѣнадцать су для него выше токайскаго вина! Насъ, и насъ только однихъ, природа наградила постоянною радостью! Положимъ, что у насъ нѣтъ нигдѣ владѣній, за то наша фортуна всегда при насъ. Пусть наводненіе унесетъ половину земель Коривалиса, мнѣ, который не имѣетъ тамъ ни одной пяди, нисколько отъ того не будетъ ни теплѣе, ни холоднѣе. Пусть упадутъ фонды на биржѣ, у меня ничего не убудетъ, потому что, если я и часто играю, то, Богъ милуялъ, никогда на биржѣ.

Неумолаемая, восторженная рѣчь любителя говядины и чрезвычайная его бѣдность возбудили во мнѣ живѣйшее любопытство: мнѣ казалось, что жизнь такого человѣка должна была заключать въ себѣ единственный въ своемъ родѣ и забавный интересъ. Потому я его спросилъ, не желаетъ-ли онъ мнѣ ее рассказать?

— Желая-ли я этого? вскричалъ онъ; ничто въ мірѣ не можетъ доставить мнѣ болѣе удовольствія. Только выпьемъ сначала для удаленія отъ насъ сна; а чтобы выпить, намъ нуженъ другой кувшинъ пива, ибо тотъ, который стоитъ передъ нами, теперь пусть; кувшинъ же, который появится, прибавилъ онъ, наблюдая меня лукавыми глазами, доставить вашему покорнѣйшему слугѣ столько-же удовольствія, сколько вамъ моя исторія.

Укажите средство отдѣлаться отъ этого остроумнаго нищаго? Я приказалъ подать другой кувшинъ въ три пинты и онъ началъ:

— Прежде всего, сударь, благоволите узнать, что я происхожу отъ весьма хорошаго рода. Мои предки дѣлали даже извѣстный шумъ въ свѣтѣ: моя мать кричала по улицамъ, продавая устрицы, а отецъ мой былъ барабанщикомъ. Мнѣ сказывали даже, но въ этомъ я не увѣренъ, что въ моей роднѣ былъ одинъ трубочъ. Не всѣ джентльмены могутъ похвастаться предками, которые при жизни дѣлали-бы столько-же шума; но это ихъ дѣло, а не мое.

Произнеся эти слова, товарищъ мой взялъ кувшинъ, налилъ себѣ большой стаканъ пива и опорожнилъ его однимъ залпомъ.

Такъ какъ я былъ единственнымъ сыномъ, продолжалъ онъ, то мой отецъ придумалъ за лучшее воспитать меня и обучить своему ремеслу барабанщика. Добрый батюшка имѣлъ большую надежду, что я сдѣлаю въ этомъ званіи мою карьеру. Нужно вамъ сказать также, что мой отецъ былъ барабанщикомъ въ труппѣ маріонетокъ. Такимъ образомъ, единственнымъ занятіемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ было бить по ослиной кожѣ и извѣщать потомъ таланты полишинели и мудрость царя Соломона во всей ея славу. Но какъ ни старался батюшка образовать меня въ своемъ искусствѣ и научить меня выбивать всѣ марши, контрмарши и воинскія эволюціи, признаюсь и краснѣю за это, я сдѣлалъ весьма мало усилій: такой уже былъ у

меня немзыкальный слухъ. Дѣло дошло до того, что, когда, по достиженіи пятнадцати лѣтъ, мнѣ надобно было избрать родъ жизни, я отправился изъ родительскаго дома и сдѣлался солдатомъ. Прекрасно! такъ же, какъ всегда, я ненавиждѣлъ занятія барабанщика, теперь я нашелъ, что носить ружье невыносимо скверно. Ни то, ни другое изъ этихъ ремеселъ не было мнѣ по душѣ; я чувствовалъ склонность къ одному только званію, званію богатаго джентльмена. Прибавьте къ тому, что я обязанъ былъ повиноваться своему капитану, который, въ свою очередь имѣлъ свою волю, также какъ и я мою собственную, и что мы никогда не могли согласить ихъ. Потому, я весьма основательно заключилъ, что гораздо проще человѣку слушаться своей собственной воли, чѣмъ чужой. Изъ этого убѣжденія возникло для меня множество маленькихъ неприятностей и какъ солдатская жизнь причинила мнѣ силнѣе, то я попросилъ позволенія оставить службу. Я былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія и потому мой капитанъ поблагодарилъ меня за доброе намѣреніе и похвалилъ за любовь къ миру; но, прибавилъ онъ въ то же время, такъ какъ я имѣю въ отношеніи къ вамъ совершенно особая виды, то мы не можемъ разстаться такъ скоро. Я написалъ тогда къ отцу жалобное письмо, умоляя его собрать нужную сумму для моего освобожденія. Но онъ, почтенный человѣкъ, также любилъ пить, какъ и вашъ покорнѣйшій слуга. (Привѣтствую васъ, сударь, и онъ почалъ свой большой стаканъ, полный пива.) Охотники-же пить, и имѣлъ случай въ томъ убѣдиться, не любятъ никогда платить за другихъ. Однимъ словомъ онъ не отвѣчалъ на мое письмо. Что оставалось дѣлать? Если я не имѣлъ денегъ на выкупъ себя, то, по крайней мѣрѣ, въ моемъ распоряженіи было равносильное средство для достиженія той же цѣли. Какое? Пара превосходныхъ погъ для побѣга. Я дезертировалъ и нашелъ, что покупка отставки ничуть не лучше удовлетворила бы мое желаніе быть свободнымъ.

Отлично! вотъ я наконецъ свободенъ отъ военныхъ занятій. Продаю свое форменное платье, покупаю въ замѣнъ ихъ не столь красивое, но и не столь компрометирующее, и направляюсь, изъ любви къ уединенію, по дорогамъ, по возможности пустыннымъ.

Однажды, вечеромъ, въ пяти шагахъ?.. отъ деревни, только что мною оставленной, примѣчаю человѣка, въ которомъ тотчасъ узнаю приходскаго патера, растянувшагося въ лужѣ, куда его сбросила лошадь, и начинавшаго уже захлебываться. Онъ мнѣ закричалъ, требуя помощи; въ моемъ положеніи помочь кому-нибудь было весьма удобно. Я вытащилъ его изъ ямы, не безъ затрудненія впрочемъ. Онъ поблагодарилъ за трудъ и отправился далѣе; но я слѣдовалъ за нимъ до его квартиры, такъ какъ всегда люблю, чтобы люди благодарили меня у дверей своего дома. Священникъ сдѣлалъ мнѣ множество вопросовъ: кто я? откуда пришелъ? вѣрный-ли и преданный-ли я человѣкъ? Я отвѣчалъ къ величайшему его и моему собственному удовольствію, придавъ себѣ самый трезвый характеръ, какой только былъ когда-либо на свѣтѣ. Да и могъ-ли я иначе поступить, такъ какъ онъ спрашивалъ у меня мнѣнія о моей-же собственной личности.

(Имѣю честь пить за ваше здоровье. Большой стаканъ былъ еще разъ въ одно мгновеніе наполненъ и опустошенъ.)

И также не отказалъ себѣ ни въ благоразуміи, ни въ скромности и вѣрности. Чтобы не распространяться, скажу, что отвѣты мои на вопросы достойнаго человѣка были столь удовлетворительны, что онъ непосредственно за ними взялъ меня къ

себѣ въ услуженіе. Я оставался у него только два мѣсяца: мы не поправились другъ другу. Я былъ жаденъ, а онъ удѣлялъ мнѣ порціи черезчуръ скряжническія и малыя. Замѣтите еще, что въ домѣ находилась одна только женщина и притомъ была зла и безобразна. Вы можете изъ этого видѣть, что мнѣ оставаться тамъ не приходилось. Оба они, казалось, возмѣнили странное намѣреніе заставить меня похудѣть; но я, съ своей стороны, принявъ благочестивую рѣшимость не позволять имъ впасть въ этотъ проступокъ, не хочу сказать въ это преступленіе. Потому, я воровалъ яйца въ курятникѣ, едва только онѣ клались, докапчивалъ опустошеніе бутылокъ, до половины еще полныхъ, и разбивалъ ихъ, послѣ того, для сохраненія благопристойности; всякая стѣдობная вещь, имѣвшая несчастіе попасться мнѣ подъ руку, тотчасъ исчезала. До такой степени я умножилъ свои услуги, что они нашли наконецъ, что я болѣе для нихъ не гоюсь и, въ одно прекрасное утро, я былъ уволенъ, получивъ жалованье за два мѣсяца т. е. три франка, двѣнадцать су.

Въ то время, какъ со мной дѣлали расчетъ, съ моей стороны тоже производились приготовленія къ оставленію дома. Въ кошоннѣ пелись двѣ курицы; я взялъ яйца единственно по привычкѣ, и изъ состраданія, чтобы не разлучать матерей отъ ихъ малютокъ, положилъ также и куръ къ себѣ въ котомку. Послѣ такого образчика воздержанія, даннаго патеру въ доказательство моихъ словъ, я пришелъ получить изъ его рукъ свои деньги; потомъ съ мѣшкомъ на плечахъ и съ палкой въ рукахъ, простился, съ глазами полными слезъ, съ моимъ престарѣлымъ и почтеннымъ благодѣтелемъ.

Не уснѣлъ я еще отойти далеко отъ дому, какъ услышалъ, что съзади меня кричатъ: воръ, воръ, остановите! И самъ не понимаю почему, но только крикъ этотъ заставилъ меня ускорить шаги. Было-бы глупо, впрочемъ, мнѣ остановиться, зная, что крики эти нисколько до меня не касались. Такъ я оставилъ моего патера, послѣ страшусь даже объ этомъ подумать, послѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ у него въ трезвости. Вы-же знаете, сударь, времена нынче такъ сухи. Пусть этотъ стаканъ ява отравитъ меня, если я, въ теченіе всей жизни, провелъ когда-либо два мѣсяца такъ глупо какъ у патера.

(Говоря это, шалунъ выпилъ свой четвертый большой стаканъ и такъ какъ въ кувшинѣ уже ничего не оставалось, то я потребовалъ новый.)

Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, я понадаю.... угадайте на что? на труппу странствующихъ комедіантовъ. Едва только издали увидалъ я ихъ, мое сердце сильно забилось и полетѣло на встрѣчу къ нимъ. У меня всегда была рѣшительная склонность ко всему, что только напоминаетъ кочующую жизнь: эта жизнь, для меня жизнь свободы! Бродячіе артисты имѣли для возки своего багажа одну бѣдную клячу, только что издохшую отъ усталости.

Такъ какъ наступала уже ночь, то они сами впряглись въ тележку и спѣшили догнать ее до маленькаго городка, видѣвшагося въ недалекомъ разстояніи. Они захыхались, изнурившись; я имъ предложилъ свои услуги; они ихъ приняли и скоро я дѣлался ихъ другомъ до того, что они взяли меня въ служители. То-то былъ для меня рай. Судите сами: эти люди, мой хозяева, пѣли, плясали, шили, ѣли и путешествовали, и все это въ одно время. Я дѣлался между ними веселъ какъ заяцъ и помрачалъ со смѣха при каждомъ словѣ, у нихъ вырывавшемся. Мы взаимно питали другъ къ другу извѣстное уваженіе, а моя фигура, которую вы видите, сударь, казалась

имъ превосходною фигурою. Сверхъ того, не смотря на то, что я былъ бѣденъ, я не былъ скромнень.

Я уже вамъ сказалъ, сударь, люблю смитальческую жизнь столько-же сколько и пиво. (За ваше здоровье. — И онъ откупорилъ новый кувшинъ въ три пииты.) Эта жизнь бываетъ подъ часъ хорошею, подъ часъ плохою, сегодня кипицею, завтра лединою! Эта жизнь, въ которой ѣдятъ, когда случится, пьютъ, когда находится подлѣ честнаго человѣка, какъ напримѣръ вы, сударь, и въ присутствіи такой кружки, какъ напримѣръ вотъ эта. Короче, мы прибыли вечеромъ въ Тантерденъ и заняли обширную, но одну только комнату, въ гостиницѣ *Гонией Собаки*. Хотѣлось намъ тамъ сыграть Ромео и Джулію съ похоронной церемоніей, сценой могилы, сада и т. д. Объявленіе гласило, что роль Ромео будетъ играть одинъ артистъ изъ Дрюрилена, а Джулія—дебютантка съ самымъ рѣдкимъ дарованіемъ. Что касается до меня, то моя обязанность заключалась въ сниманіи со свѣчей. Все шло, сдѣдовательно, какъ нельзя лучше. Всѣ мы имѣли свои роли, но никто изъ насъ не имѣлъ костюма. Какъ быть, что дѣлать? Платье, служившее Ромео, было красное съ синей подкладкой: его выворотили на изнанку и оно отлично шло къ Меркуціо. Длинная полоса газа замѣнила Джулію, въ одно и тоже время, и платье и мантилю; ступка съ пестомъ, занятые у сосѣда аптекаря, исполняли обязанность колокола, а нашъ хозяинъ трактирщикъ со всѣмъ своимъ семействомъ, всѣ въ бѣлыхъ простыняхъ, образовали собою процессію. Такъ что собственно только три особы были костюмированы какъ слѣдуетъ: кормилица Джуліи, тощій аптекарь, да я.

Представленіе наше возбудило общія рукоплесканія. Все собраніе было восхищено талантами труппы. Нужно сказать впрочемъ и то, что мы прибѣгли ко всѣмъ уловкамъ для успѣха, необходимымъ для кочующей труппы: безпорядочнымъ жестамя, громовымъ раскатамя голоса и т. п. Говорить и дѣйствовать въ театрѣ, какъ обыкновенно дѣлается въ дѣйствительной жизни, значило-бы хотѣть умереть съ голода, потому что публика приходитъ туда смотреть съ совѣтъмъ другое. Естественная рѣчь на театральныхъ подмосткахъ, подобна мягкому вину, которое скользить у васъ во рту по небу, не оставляя почти послѣ себя вкуса; но кричать и размахивать руками значить производить дѣйствіе укуса, который раздражаетъ языкъ и потому съ удовольствіемъ чувствуешь, что пьешь. Потому-то должно вертеться, хлопать руками по карманамъ, хмурить брови, согнѣть произноса слова, и наконецъ походить во всемъ на человѣка, омерзимаго падучею болѣзнію.

Такъ какъ первое представленіе доставило намъ отличную репутацію, то, очень естественно, что я приписалъ себѣ часть успѣха. Я снималъ со свѣчей, это правда, но скажите, что сдѣлалось-бы съ лучшей пьесой безъ свѣчей и, особенно, безъ снимателя со свѣчей?

Подобнымъ родомъ мы продолжали свои представленія въ теченіи пятнадцати дней, всегда привлекая значительную толпу. Наканунѣ отъѣзда была объявлена нами, съ назначеніемъ двойной цѣны мѣстамъ, лучшая пьеса нашего репертуара. Но—о бѣдствіе, бывшее для меня источникомъ почестей и выгоды!—нашъ первый актеръ сдѣлался боленъ. Говорили, что онъ недурно проводилъ время и потомъ онъ имѣлъ лихорадку—болѣзнь печальную и убыточную. Такъ говорила труппа. Что касается до меня, то воспользовавшись благопріятной минутой, я съ самоотверженіемъ предложилъ сыграть роль за больного. Случай былъ отчаянный: мое предложеніе принимаютъ

и вот я растягиваюсь на мѣшкѣ, съ ролью въ одной рукѣ и кувшиномъ пива въ другой. (Пью вновь за ваше почтенное здоровье, сударь.) Я хорошо изучилъ характеръ роли, которую долженъ былъ исполнить на другой день, и нашелъ, что благородные напитки были для меня наилучшимъ вспомогательнымъ средствомъ. Когда моя роль была выучена съ удивительною быстротою, я навсегда распрощался съ искусствомъ снимать со свѣчей. Природа, говорилъ я самому себѣ, создала меня для искусства болѣе возвышеннаго; послѣдуемъ-же ея благороднымъ внушеніямъ. На репетиціи, мои товарищи удивились чудесной переměнѣ, такъ быстро во мнѣ происшедшей. — Оставьте, оставьте, говорю вамъ, большаго; пусть онъ поправляется по маленьку: болѣзни скоро излечиваемыя, подвержены возобновленію. Я буду исполнять его роли къ великому удовольствію публики и еще къ большей выгодѣ труппы. Нашъ товарищъ можетъ даже умереть, если сочтетъ это приличнымъ, я все устрою такъ, что утрата его будетъ почти незамѣтна. Въ доказательство своихъ словъ, я продекламировалъ имъ роль, принимая самыя величественныя позы: они были восхищены, они мнѣ аплодировали.

На другой день афиша возвѣщала, что одинъ великій артистъ появится въ новой пьесѣ, и потому всѣ первыя мѣста были разобраны на расхватъ. Между тѣмъ, передъ выходомъ на сцену мнѣ пришло въ голову слѣдующее размышленіе: такъ какъ мое имя способствуетъ наполненію кассы, то не долженъ-ли я быть допущенъ къ участію въ раздѣлѣ того, что въ ней содержится. Господа, сказала я, обращаюсь къ своимъ товарищамъ, я вовсе не претендую на присвоеніе себѣ права управлять вами, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда будетъ идти рѣчь обо мнѣ самомъ. Иначе это съ моей стороны было-бы низкою неблагодарностію. Вы съ чрезвычайною добротою напечатали мое имя на афишѣ и я счелъ долгомъ тому не противиться. Теперь, когда дѣла идутъ отлично, и даже не могутъ обойтись безъ меня, я желаю доказать вамъ свою признательность, требуя отъ васъ участія въ выгодахъ. Доли моя должна быть равна тому, что получаетъ первый изъ васъ. Въ противномъ случаѣ, клянусь, я не буду въ состояніи сыграть своей роли и возьмуся опять за щипцы, какъ было до настоящаго времени. Предложеніе это было для нихъ столь же непріятно, сколько и трудно было его отрицать. Потому они подписали обязательство и я игралъ въ тотъ-же вечеръ въ роли Баязета. Мое чело, гордое и нахмуренное, было до половины покрыто синимъ чулкомъ, сложеннымъ въ формѣ тюрбана, а въ рукахъ моихъ колебалась цѣпочка. Сама природа не хотѣла-ли сформировать меня для театра, давъ мнѣ высокій ростъ и сильный голосъ? Уже одно появленіе привѣтствовали рукоплесканіями. Я окинулъ собраніе улыбающимся взоромъ и потомъ сдѣлалъ обыкновенный поклонъ. Такъ какъ роль моя требовала большей энергіи, то я возбудилъ свои способности тремя стаканами водки (Сударь, кувшинъ сейчасъ будетъ пустъ, и онъ сопровождалъ это наблюденіе дѣйствіемъ, какъ нельзя болѣе способнымъ оправдать его.) Клянусь Аллахомъ! Успѣхъ мой былъ невѣроятный. Тамерданъ, подлѣ меня былъ не болѣе какъ школьникъ, хотя онъ кричалъ такъ, что казалось, разорветъ себѣ легкія, я кричалъ еще громче и притомъ отличался передъ нимъ въ позахъ. Такъ напрімѣръ, я держалъ руки сложенными на груди, какъ дѣлается обыкновенно въ Дрюриленѣ и производилъ тѣмъ превосходный эффектъ. Чтобы кончить, сударь, скажу вамъ въ двухъ словахъ: этотъ кувшинъ, стоящій неподвижно между мною и вами, бу-

детъ сухъ до дна, прежде нежели успѣю изчислить вамъ всѣ достоинства, которыя тогда во мнѣ пали. По окончаніи спектакля мѣстные джентльмены и леди явились ко мнѣ съ поздравленіями: одинъ хвалилъ мой голосъ, другой мою осанку. Даю вамъ слово! вскричала жена одного баронета, онъ сдѣлается первымъ актеромъ въ Европѣ! Я это утверждаю, а я, какъ извѣстно, способна нѣсколько судить объ этихъ вещахъ.

Первыя похвалы всегда бывають пріятны, ибо мы ихъ принимаемъ какъ знакъ благосклонности. Но за то слѣдующія за ними, если онѣ часто повторяются, принимаются уже нами какъ дань, платимая нашему достоинству. Такъ и я, вмѣсто того, чтобы благодарить свою поклонницу, мысленно самъ себѣ рукоплескалъ. Отъ насъ потребовали повторенія пьесы. Мы повиновались и мнѣ аплодировали въ десять разъ болѣе, чѣмъ въ первое представленіе. Наконецъ мы оставили этотъ превосходный и просвѣщенный городокъ Тантерденъ, намѣреваясь отправиться въ одно сосѣднее мѣсто, гдѣ должны были происходить скачки. О! Тантерденъ, театръ моей славы! со слезами на глазахъ удалялся я отъ твоихъ стѣнъ. Жители тамъ, джентльмены и леди, всѣ глубокія знатоки драматическаго искусства (И они вполне заслуживаютъ, сударь, чтобы мы выпили за ихъ здоровье. Еще одинъ полный стаканъ!)

Наконецъ мы оставили Тантерденъ; по какай разница между моимъ входомъ туда и выходомъ! Туда я пришелъ тушпилицомъ свѣчей, а оттуда вышелъ великимъ челоуѣкомъ! Такъ ужъ устроенъ свѣтъ, сударь: сегодня ничто, завтра — герой.

Могъ-бы еще многое сказать я о превратностяхъ счастья, по боюсь, чтобы вамъ и мнѣ не приключился сплинъ отъ этихъ размышленій и потому вы мнѣ позволите ихъ опустить?

— Отъ всего сердца, отвѣчалъ я.

— При нашемъ прибытіи, скачки уже кончились. Велико было разочарованіе труппы. Однако, не смотря на то, мы великодушно рѣшились собрать съ жителей небольшого городка двойную дань монетой и похвалами, всюду должными талантамъ. Тамъ я также игралъ въ главныхъ роляхъ репертуара и, какъ въ Тантерденѣ, произвелъ фуроръ. Въ настоящее время я искренне убѣжденъ, что сдѣлался-бы первымъ актеромъ образованнаго міра, если-бы дарованіе мое было надлежащимъ образомъ обработано. Но случившійся на бѣду мою проклятый холодъ повредилъ неразвернувшуюся еще почку этого цвѣтка, столь прекраснаго еще только по надеждамъ, и я ниспалъ съ высоты величія въ тѣсные ряды пошлой черни. Я игралъ въ роли сэра Ганри де Фронтювожа: дамы ко мнѣ пристрастились. Едва только дотрогивался я до своего кармана, чтобы выпнуть оттуда табакерку, какъ уже раздавались крики удивленія, поднимался бѣшенный топотъ ногами; но когда я махалъ тростью въ воздухъ, то дѣйствительно боялся, что вотъ, вотъ онѣ упадутъ въ конвульсіяхъ.

На несчастіе мое находилась въ то время въ городѣ какая-то дама, которую послали когда-то въ Лондонъ на семь мѣсяцевъ для довершенія образованія. Эта случайная выгода внушала ей огромнѣйшія претензіи на изысканный вкусъ и на неоспоримое право задавать тонъ всздѣ, куда только она не появлялась.

Какъ-бы нарочно, между первымъ и вторымъ представленіемъ, сказали ей, о моихъ достоинствахъ, — достоинствахъ, которыхъ она не видѣла и не утвердила своимъ авторитетомъ. Я погибъ. Напрасно ей усердно хвалили великаго актера; она упрямо отказывалась отъ приглашенія пойдти его посмотрѣть.

Отъ страстующаго комедіанта, говорила она, пожимая плечами, могу-ли я ожидать чего-либо инаго, кромѣ пошлыхъ фарсовъ? При этомъ удобномъ случаѣ она произнесла, въ честь Гаррика, нѣсколько громкихъ словъ, завезенныхъ изъ Лондона, и привела слушателей въ удивленіе. Насилу, наконецъ, и то съ большимъ трудомъ, уговорили ее пойти въ театръ взглянуть на меня, а друзья моего дарованія секретно меня извѣстили о имѣющемъ быть на представленіи присутствіи страшнаго судьи. Несмотря на то, ни мало не будучи устрашенъ, я вышелъ на сцену въ роли сера Ганри, держа одну руку въ карманѣ своихъ панталонъ, а другую между пуговицами жилета, какъ дѣлается обыкновенно въ Дриурленѣ. Но вмѣсто того, чтобы смотрѣть на меня, славнаго актера, вся зала устремила глаза на даму, жившую семь мѣсяцевъ въ Лондонѣ. Они ждали ея приговора, долженствовавшаго обезпечить за мною навсегда, въ ихъ и въ моемъ собственномъ мнѣніи, титулъ великаго человѣка, или-же вновь ввергнуть меня въ самое низкое званіе статиста или тушильщика свѣчей. Съ граціозностію я вынулъ свою табакерку изъ кармана, открылъ ее величественно: дама оставалась холодною и вся зала также. Я сломалъ трость на спинѣ альдермена Лафрадо: всѣ лица оставались нахмуренными при видѣ серьезной мины дамы. Тогда я вздумалъ смѣяться самъ для того, чтобы заставить смѣяться

этихъ людей: напрасный трудъ! хоть-бы одна морщина разгладилась вмѣстѣ съ моими. Тогда уже я началъ находить, что эта сцена не можетъ долѣе продолжаться. Вся моя игра сдѣлалась натянутою; смѣхъ сталъ походить на гримасу человѣка, страдающаго зубною болью, а изъ подъ маски поддѣльной веселости, слишкомъ замѣтна была агонія моей души. Что вамъ сказать еще? Дама, прожившая въ Лондонѣ семь мѣсяцевъ, пришла въ театръ для осужденія меня и для собственной скуки: за тѣмъ я былъ осужденъ, а она соскучилась. Извѣстность моя умерла, и теперь я тѣмъ, чѣмъ вы меня видите: актеръ безъ мѣста, безъ театра и публики. Моя исторія кончена, да и кстати, потому что и кувшинъ этотъ пустъ.

Нѣтъ! ваша исторія еще не кончена! вскричалъ я, взявъ за руку этого человѣка, у котораго все показывало мнѣ присутствіе высокаго дарованія.

Я его привелъ къ одному знакомому мнѣ директору театра. Спустя нѣсколько дней, онъ дебютировалъ въ одной изъ драмъ Шекспира, и этотъ бѣдный комедіантъ сдѣлался славнымъ Джономъ Филиппомъ *Кинномъ*, знаменитѣйшимъ актеромъ Англии, а быть можетъ, и цѣлаго міра, въ XVIII столѣтіи.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. СТЕЛЛОВСКАГО.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

РОМАНСЫ и ПѢСНИ

А. ДАРГОМЫЖСКАГО.

№ 1.	Я все еще его люблю	— 50 к.
— 2.	Къ друзьямъ	— 50
— 3.	Поцѣлуй	— 50
— 4.	Бушуй и волнуйся глубокое море	— 75
— 5.	Лихорадушка	— 40
— 6.	Богъ помочь вамъ	— 50
— 7.	Мельникъ	— 40
— 8.	Мечты, мечты гдѣ ваша сладость	— 75
— 9.	Скажи, что такъ задумчивъ ты (Тріо).	1 50
— 10.	Старина	— 40
— 11.	Безъ ума, безъ разума	— 75
— 12.	Моя милая, моя душечка	— 75
— 13.	Омилая дѣва, нѣтъ силъ мнѣ словами.	— 75
— 14.	Дуэтъ изъ оперы: Есмeральда	— 60
— 15.	О дѣва роза, я въ оковахъ (для Сопрано).	— 75
— 16.	О дѣва роза, я въ оковахъ (для Контральта).	— 75

РОМАНСЫ и ПѢСНИ

СЪ АКОМПАНИМЕНТОМЪ

ФОРТЕШАНО И СКРИПКИ ИЛИ ВІОЛОНЧЕЛИ.

№ 1.	Бетговенъ. Аделаида	1 р. 15 к.
— 2.	Ромбергъ. Когда бъ онъ былъ теперь со мной	85
— 3.	Ромбергъ. Темнорусыя кудри милаго	85
— 4.	Толстой. Молитва, «Въ минуту жизни трудную»	85
— 5.	Ромбергъ. Младые дни	85
— 6.	Булаховъ. Колыбельная пѣсенка	75
— 7.	Ромбергъ. Дайте крылья мнѣ перелетныя	1 — 50

РОМАНСЫ и ПѢСНИ

МУЗЫКА

ДЕРФЕЛЬДА.

№ 1.	Не говори, что я любимъ	60 к.
— 2.	Желаніе не пробуднаго сна	50
— 3.	Мечты любви	50
— 4.	Когда ты со мною бываешь	40